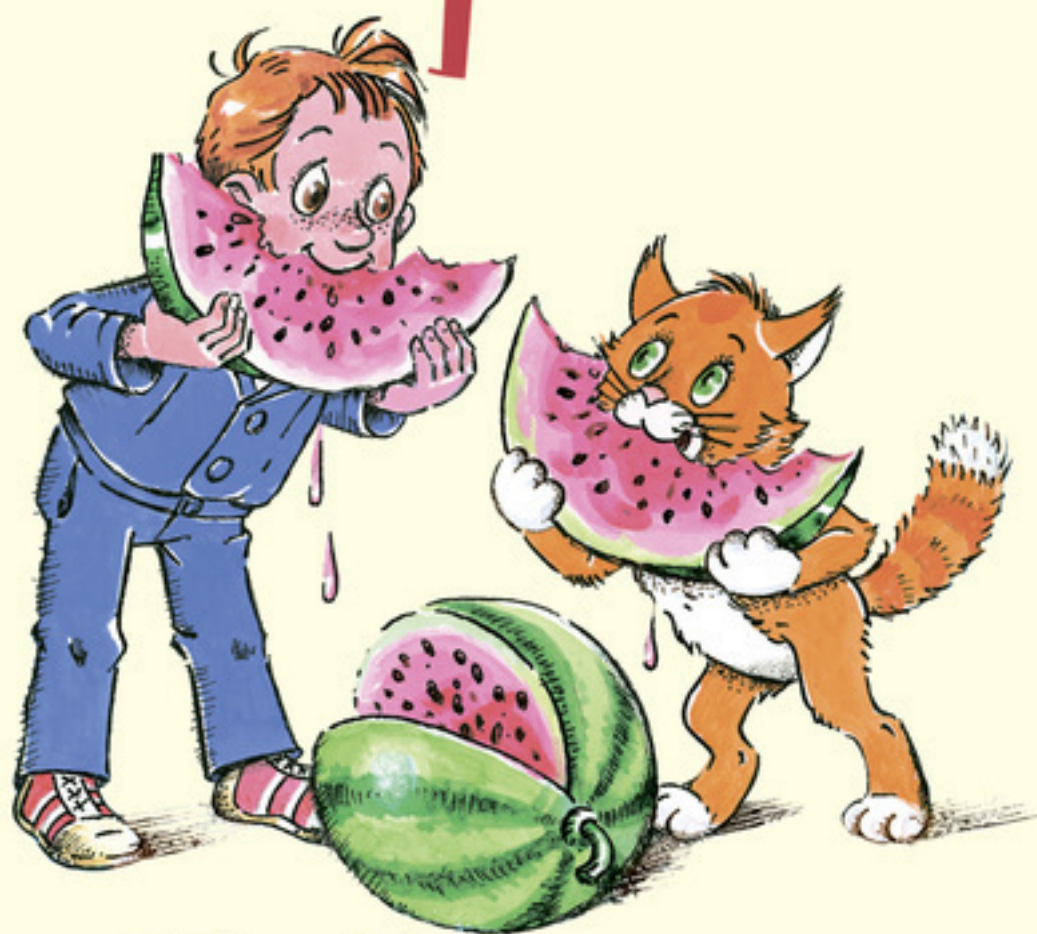

Л. Зераскина

В Стране
НЕВЫУЧЕННЫХ уроков

«МАЛЫШ»

Лия Гераскина

В Стране невыученных уроков

«АСТ»

1965

Гераскина Л. Б.

В Стране невыученных уроков / Л. Б. Гераскина — «АСТ», 1965

Если ты не бывал в Стране невыученных уроков, значит, ты молодец, значит, ты никогда не получал в один день сразу пять двоек. А вот один мальчик, неуч и лентяй, Витя Перестукин, очутился в этой волшебной стране, в которой даже лимонад продают не за деньги, а за правильные ответы... Читайте о невероятных приключениях и тяжелых испытаниях, которые выпали на долю Вити Перестукина и во Дворце Грамматики, и в городе, в котором продавцами были маленькие человечки Плюс и Минус. А когда прочитаете, быстро-быстро пролистайте страницы книжки, и кот Кузя побежит в Страну невыученных уроков вслед за своим хозяином Витей...

© Гераскина Л. Б., 1965

© АСТ, 1965

Лия Гераскина

В Стране невыученных уроков

© Гераскина Л. Б., наследники, 2010

© Ил., Прытков Ю. А., наследники, 2010

© Ил., Сазонова Т. П., наследники, 2010

© ООО «Издательство Астрель», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

В тот день, когда всё это началось, мне не везло с самого утра. У нас было пять уроков. И на каждом меня вызывали. И по каждому предмету я получил двойку. Четыре двойки, наверное, я получил за то, что отвечал не так, как хотелось бы учителям. А вот пятую двойку поставили совсем несправедливо. За какой-то круговорот воды в природе.

Интересно, что бы вы ответили на такой вопрос учительницы:

– Куда девается вода, которая испаряется с поверхности озёр и рек, морей, океанов и луж?

Не знаю, что бы вы ответили. А мне ясно, что если вода испаряется, то её уже нет. Ведь не зря же говорят про человека, который вдруг куда-то скрылся: «Он испарился». Это значит – «он исчез». Но Зоя Филипповна, наша учительница, почему-то стала придираться и задавать лишние вопросы:

– Куда исчезает вода? А может быть, она всё-таки не исчезает? Может, ты хорошенько подумаешь и ответишь, как следует?

По-моему, я и так ответил, как следует. Зоя Филипповна, конечно, со мной не согласилась. Я давно заметил, что учителя редко со мной соглашаются. Есть у них такой отрицательный минус.

Мама открыла дверь молча. Но это меня не порадовало. Я знал, что она сначала накормит меня, а потом...

Я ел и старался не смотреть на маму. Думал, неужели она сможет прочесть в моих глазах сразу про все пять двоек?

Кот Кузя спрыгнул с подоконника и завертелся у моих ног. Он очень меня любит и ласкается совсем не потому, что ждёт от меня что-нибудь вкусное. Кузя знает, что я пришёл из школы, а не из магазина, значит, ничего, кроме плохих отметок, принести не мог.

Раздался телефонный звонок. Ура! Звонила тётя Поля. Раньше чем через час она не отпустит маму от телефона.

– Немедленно садись за уроки, – сказала мама и взяла трубку.

Пришлось уйти в свою комнату и засесть за уроки.

Мне задали правила по безударным гласным. Надо было их повторить. Я этого делать, конечно, не стал. Бесполезно повторять то, чего всё равно не знаешь. Потом надо было прочитать про этот самый круговорот воды в природе. Я вспомнил Зою Филипповну, двойку и решил лучше заняться арифметикой. Тут тоже ничего приятного не было. Начал решать задачу о каких-то землекопах. Не успел выписать условия, как заговорил репродуктор. Можно было немножко отвлечься и послушать... Но чей голос я услышал? Голос Зои Филипповны! Она по радио давала советы ребятам, как надо готовиться к экзаменам. Я готовиться не собирался. Пришлось радио выключить.

Снова открыл задачник. Пять землекопов выкопали траншею в сто погонных метров за четыре дня... Что бы придумать для первого вопроса?

Стал рассуждать. Пять землекопов вырыли траншею в сто погонных метров. Погонных? Почему метры называются погонными? Кто их погоняет?

Я стал думать про это и сочинил скороговорку: «Погонщик в погонах погонял погонным метром».

А хорошо бы погонщика назвать Паганелем!

– Что же все-таки делать с землекопами? Может быть, помножить их на метры или разделить метры на землекопов?..

Получилась такая ерунда, что я стал искать ответа в задачнике. Но, как назло, там была вырвана страница с ответом про землекопов. Пришлось всю ответственность взять целиком на себя. Я всё перерешил. Вышло, что работу должны были выполнить полтора землекопа. Почему полтора? Но в конце концов какое мне дело, сколько землекопов рыли эту самую траншею? Кто теперь вообще роет землекопами? Взяли бы экскаватор и сразу покончили с траншеями. И работу скоро бы сделали, и школьникам головы не забивали. Ну как бы там ни было, а задача решена.

За окном кричали мальчишки. Солнце светило, очень сильно пахло сиренью. Меня тянуло выпрыгнуть в окно и побежать к ребятам. Но на столе лежали мои учебники. Они были изорванные, залитые чернилами, грязные и скучные. И они были очень сильными. Они держали меня в душной комнате, заставляли решать задачу про каких-то допотопных землекопов, вставлять пропущенные буквы и делать многое другое, что мне было совсем неинтересно. Я вдруг так возненавидел свои учебники, что схватил их со стола и швырнул на пол.

– Надоели! – закричал я не своим голосом.

И вдруг раздался такой грохот, как будто с высокого дома на мостовую упали сорок тысяч железных бочек. Кузя метнулся с подоконника и прижался к моим ногам. Стало темно. А ведь только что за окном светило солнце. Потом комната осветилась зеленоватым светом, и я заметил каких-то странных человечков. На них были балахоны из покрытой кляксами мятой бумаги. У одного на груди чернело очень знакомое пятно с ручками, ножками и рожками. Точно такие же ножки-рожки я пририсовал кляксе, которую посадил на обложку учебника географии.

Человечки молча стояли вокруг стола и сердито на меня смотрели. Надо было что-то немедленно делать. Поэтому я вежливо спросил:

– А кто вы такие будете?

– Ты присмотришься внимательней, может быть, и узнаешь, – ответил человечек с кляксой.

– Он не привык глядеть на нас внимательно точка, – сердито сказал другой человечек и пригрозил мне пальчиком, выпачканным чернилами.

Я всё понял. Это были мои учебники. Они почему-то ожили и явились ко мне в гости. Если бы вы слышали, как они меня упрекали!

– Ни под каким градусом широты и долготы никто и нигде на земном шаре так не обращается с учебниками, как ты! – кричала География.

– Ты обливаешь нас чернилами восклицательный знак. Ты рисуешь на наших страницах всякую ерунду восклицательный знак, – надрывалась Грамматика.

– Почему вы так напали на меня? Разве Серёжа Петькин или Люся Карандашкина учатся лучше?

– Пять двоек! – крикнула хором учебники.

– Но ведь я приготовил уроки сегодня!

– Сегодня ты неправильно решил задачу!

– Не усвоил зоны!

– Не понял круговорота воды в природе!

Больше всех кипятилась Грамматика:

– Сегодня ты не повторил безударных гласных восклицательный знак. Не знать родного языка тире позор запятая несчастье запятая преступление восклицательный знак.

Терпеть не могу, когда на меня кричат. Обижаюсь. Вот и сейчас я очень обиделся и ответил, что как-нибудь проживу и без ударных гласных и без умения решать задачи и тем более без этого самого круговорота.

Тут мои учебники сразу онемели. Они смотрели на меня с таким ужасом, как будто я на их глазах нагрубил директору школы. Потом они стали шептаться и решили, что меня нужно немедленно, вы думаете, наказать? Ничего подобного, – спасти! Чудаки? От чего, спрашивается, спасти?

География сказала, что лучше всего отправить меня в Страну невыученных уроков. Человечки с ней сразу же согласились.

– А есть ли в этой стране трудности и опасности? – спросил я.

– Сколько угодно, – ответила География.

– Всё путешествие состоит из трудностей. Это ясно, как дважды два – четыре, – прибавила Арифметика.

– Каждый шаг там грозит опасностью для жизни восклицательный знак! – воскликнула Грамматика.

Об этом стоило подумать. Ведь там не будет ни папы, ни мамы, ни Зои Филипповны!

Никто не станет каждую минуту останавливать и кричать: «Не ходи! Не бегай! Не трогай! Не подглядывай! Не подсказывай! Не вертись на парте!» И ещё с десятков разных «не», которых я терпеть не могу. Может, как раз в этом путешествии мне удастся развить волю и приобрести характер. Вернусь оттуда с характером – вот папа удивится!

– А может быть, придумаем для него что-нибудь другое? – спросила География.

– Не надо мне другого! – закричал я. – Так и быть. Отправляюсь в эту вашу опасную страну.

Я было хотел спросить их, а удастся ли мне там закалить волю и приобрести характер настолько, чтобы я мог сам добровольно делать уроки, но не спросил. Раздумал.

– Ну хорошо, – сказала География, – решено.

– Ответ правильный. Перерешать не будем, – добавила Арифметика.

– Отправляйся немедленно точка, – закончила Грамматика.

– Ладно, – сказал я как можно вежливей. – Но только как это сделать? Поезда, наверно, в эту страну не ходят, самолёты не летают, пароходы не плывут.

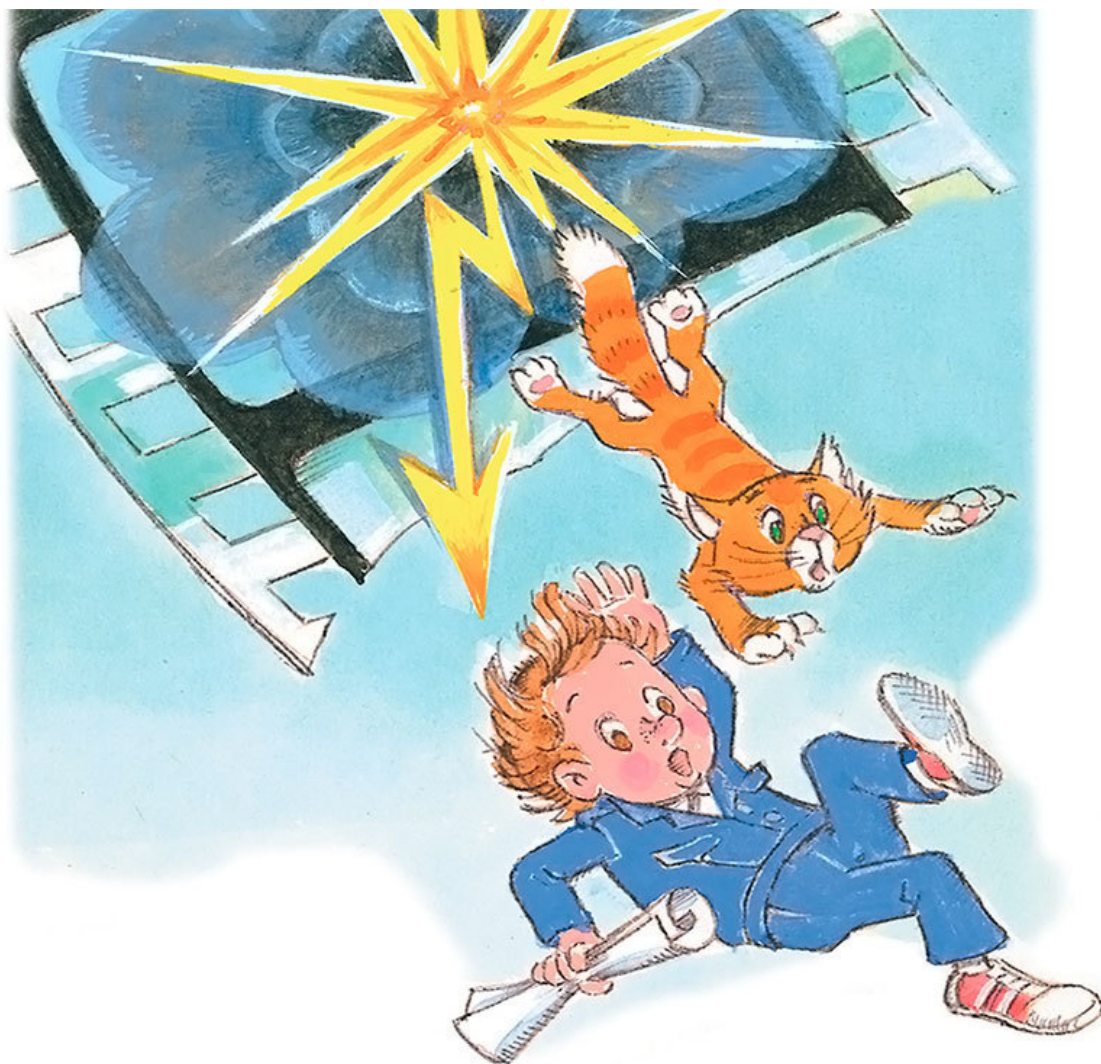
– Мы поступим так запятая, – сказала Грамматика, – как всегда поступали в русских народных сказках точка. Возьмём клубок многоточие.

Но клубка у нас никакого не было. Моя мама не умела вязать.

– Есть ли у вас в доме что-нибудь шарообразное? – спросила Арифметика, так как я не понял, что такое «шарообразное», она объяснила: – Это всё равно, что круглое.

Круглое? Я вспомнил, что тётя Поля подарила мне в день рождения глобус. Я и предложил этот глобус. Правда, он на подставке, но ведь её и отодрать нетрудно. География почему-то обиделась, замахала ручками и закричала, что она не позволит. Что глобус – великое наглядное пособие! Ну и всякое такое прочее, что совсем не шло к делу. В это время в окно влетел футбольный мяч. Оказывается, он тоже шарообразный. Все согласились засчитать его за клубок.

Мяч будет моим проводником. Я должен идти за ним и не отставать. А если потеряю его, то не смогу вернуться домой. После того как меня поставили в такую колониальную зависимость от мяча, этот шарообразный сам собой вспрыгнул на подоконник. Я полез за ним, а Кузя – за мной.

– Назад! – крикнул я коту, но он не послушался.

– Я пойду с тобой, – заявил мой кот человеческим русским голосом.

География помахала мне на прощание рукой и крикнула:

– Если тебе придётся очень уж плохо, зови меня на помощь. Так и быть, выручу!

Мы с Кузей прыгнули с подоконника и сразу стали быстро подыматься в воздух, а мяч летел перед нами. Вниз я не смотрел. Боялся – голова закружится. Чтоб не было так уж страшно, не сводил глаз с мяча. Долго ли мы летели – не знаю. Не хочу врать. В небе светило солнце, а мы с Кузей неслись за мячом, как будто были привязаны к нему верёвочкой и он тащил нас на буксире.

Наконец мяч стал снижаться, и мы опустились на лесную дорогу. Мяч катился, перепрыгивая через пни и поваленные деревья. Он не давал нам никакой передышки. Опять не могу сказать, сколько времени мы шли. Солнце ни разу не закатывалось. Поэтому можно подумать, что мы шли всего один день. Но кто знает, закатывается ли вообще солнце в этой неизвестной стране.

Как хорошо, что Кузя увязался за мной! Как хорошо, что он стал разговаривать как человек! Мы с ним болтали всю дорогу. Мне, правда, не очень нравилось, что он слишком много рассказывал о своих приключениях: он любил охотиться за мышами и ненавидел собак. Обо-жал сырое мясо и сырую рыбу. Поэтому больше всего он болтал о собаках, мышах и еде. Всё же он был малообразованным котом.

Мы шли по лесной дорожке. Вдали показался высокий холм. Мяч обогнул его и скрылся. Мы очень испугались и бросились вдогонку за ним.

За холмом мы увидели большой замок с высоченными воротами и каменным забором.

На воротах замка висел замок килограммов в сорок весом. По обеим сторонам входа стояли два странных человечка. Один согнулся так, что казалось, будто он разглядывает свои колени, а другой был прям как палка.

Согнутый держал огромную ручку, а прямой – такой же карандаш. Они стояли неподвижно, словно неживые. Я подошёл поближе и потрогал согнутого пальцем. Он не пошевелился. Кузя обнюхал их обоих и заявил, что, по его мнению, они всё-таки живые, хотя человеком от них не пахнет. Мы с Кузей назвали их Крючок и Палка. Наш мяч рвался в ворота. Я подошёл к ним и хотел попробовать толкнуть замок. А вдруг он не заперт? Крючок и Палка скрестили ручку и карандаш и преградили мне дорогу.

– Ты кто? – отрывисто спросил Крючок.

А Палка, как будто его толкнули под бока, закричала во весь голос:

– Ох! Ах! Ох, ох! Ах, ах!

Вежливо ответил, что я ученик четвёртого класса. Крючок покрутил головкой. Палка разохался так, как будто я сказал что-то очень нехорошее. Потом Крючок покосился на Кузю и спросил:

– А ты, который с хвостом, тоже ученик?

Кузя сконфузился и промолчал.

– Это кот, – объяснил я Крючку, – он животное. А животные имеют право не учиться.

– Имя? Фамилия? – допрашивал Крючок.

– Перестукин Виктор, – ответил я, как на переключке.

Если бы вы видели, что стало с Палкой!

– Ох? Ах! Увы! Тот! Самый! Ох! Ах! Увы! – без передышки выкрикивал он минут пятнадцать подряд. Мне это здорово надоело. Мяч привёл нас в Страну невыученных уроков. Почему же мы должны стоять у её ворот и отвечать на дурацкие вопросы? Я потребовал, чтобы мне немедленно дали ключ отпереть замок. Мяч шевельнулся. Я понял, что действую правильно.

Палка подал мне громадный ключ и закричал:

– Открывай! Открывай! Открывай!

Я вставил ключ и хотел его повернуть, но не тут-то было. Ключ не поворачивался. Стало ясно, что надо мной смеются.

Крючок спросил, не сумею ли я написать правильно слова: «замочек» и «ключик». Если сумею, ключ тут же отопрёт замок. Отчего же не сумею! Подумаешь, хитрость какая. Неизвестно откуда появилась классная доска и повисла перед самым моим носом прямо в воздухе.

– Пиши! – крикнул Палка и подал мне мел.

Я сразу написал: ключ... и остановился.

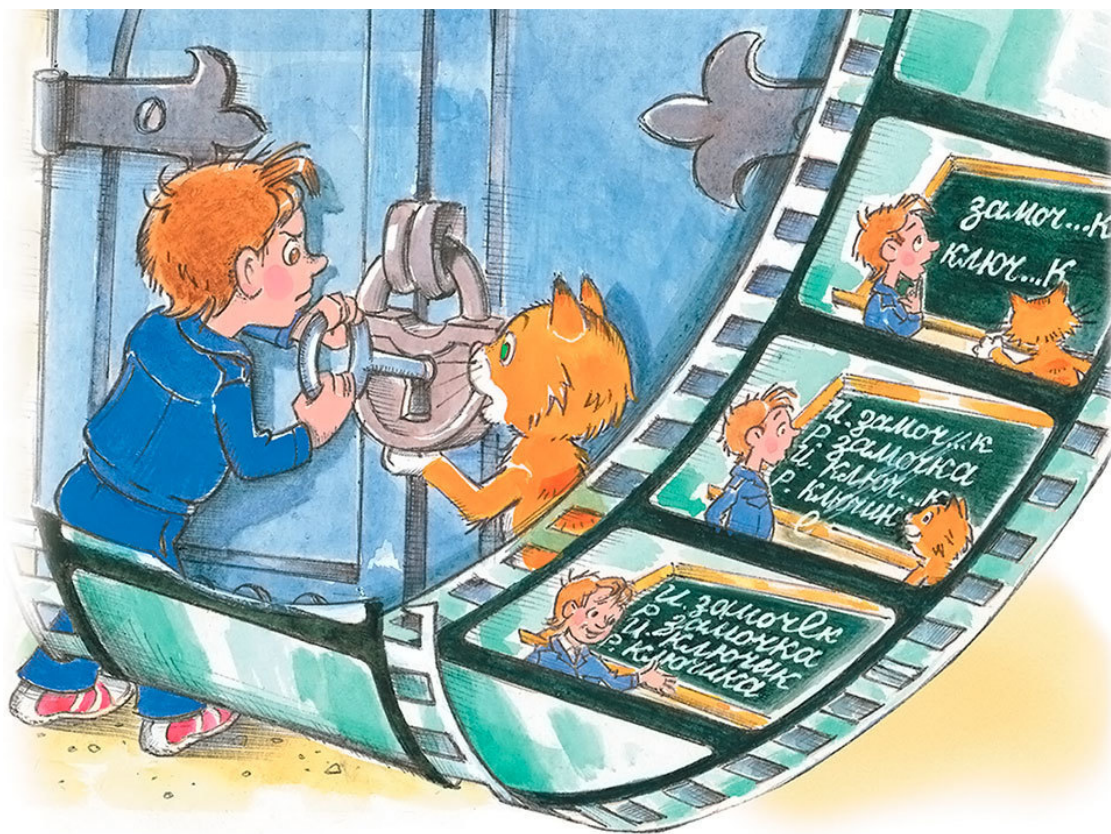
– Пиши! Дальше! – приказал Палка.

Хорошо ему было кричать, а если, я не знаю, что писать дальше: ЧИК или ЧЕК? Как правильно: КлючЧИК или ключЧЕК? То же самое было и с замочком. ЗамоЧИК или замоЧЕК? Было над чем подумать!

Есть же какое-то правило... А какие правила грамматики я вообще знаю? Стал припоминать. Кажется, после шипящих не пишется... Но при чём тут шипящие? Они сюда никак не подходят.

Кузя посоветовал писать наобум. Если напишешь неправильно, потом исправишь. А так разве можно угадать? Это был толковый совет. Я уже собирался так и сделать, но Палка закричал:

– Нельзя! Неуч! Невежда! Ох! Увы! Пиши! Сразу! Правильно! – Почему-то он ничего не говорил спокойно, только всё выкрикивал.

Я сел на землю и стал вспоминать. Кузя всё время вертелся возле меня и часто задевал своим хвостом по лицу. Я прикрикнул на него. Кузя обиделся.

– Зря расселся, – сказал Кузя, – всё равно не вспомнишь.

Но я вспомнил. Назло ему вспомнил! Пожалуй, это было единственное правило, которое я знал. Вот уж не думал, что оно когда-нибудь мне так здорово пригодится!

– Если в родительном падеже в конце слова выпадает гласная, то пишется ЧЕК, а если не выпадает, пишет ЧИК.

Это нетрудно проверить: именительный – замоЧЕК; родительный – замоЧКА. Ага! Буква выпала. Значит, правильно – замоЧЕК. Теперь совсем легко проверить «ключик». Именительный – ключИК, родительный – ключИКА. Гласная остаётся на месте. Значит, надо писать «ключИК».

Палка захлопал в ладоши и закричал:

– Чудесно! Прелестно! Восхитительно! Ура!

Я крупными буквами смело написал на доске: ЗАМОЧЕК. КЛЮЧИК. Потом легко повернул ключ в замке, и ворота распахнулись. Мяч покатился вперёд, а мы с Кузей пошли за ним. Палка и Крючок поплелись сзади.

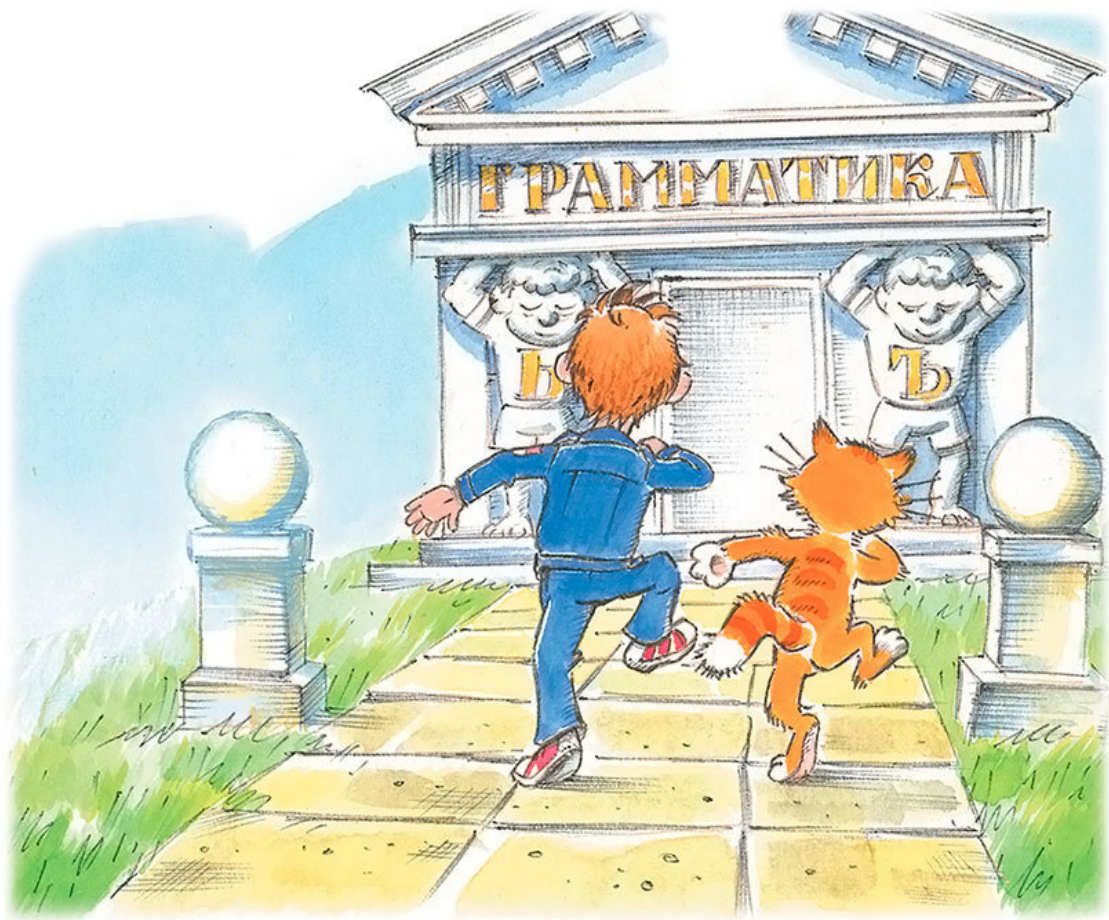
Путешествие наше начиналось очень удачно. Я запросто вспомнил правило и открыл замок! Если всё время будут встречаться только такие трудности, мне и делать здесь нечего...

Мы прошли по высоким пустым комнатам и очутились в огромном зале.

В глубине зала на высоком стуле сидел старик с белыми волосами и белой бородой. Если бы он держал в руках маленькую ёлочку, его можно было принять за Деда-Мороза.

Возле старика вертелась сгорбленная Запятая со злыми красными глазками. Она всё что-то шептала ему на ухо и показывала на меня рукой.

– Надеюсь, вы примерно накажете этого невежду, ваше величество Глагол Повелительного Наклонения! – сказала Запятая.

Старик важно посмотрел на меня.

– Перестань! Не злись, Запятая! – приказал старик.

– Как же мне не злиться, ваше величество? Ведь мальчишка ещё ни разу не поставил меня на моё место!

Старик строго посмотрел на меня и поманил пальцем. Я подошёл.

Запятая ещё больше засуетилась и прошипела:

– Посмотрите на него. Сразу видно, что он безграмотный.

Неужели это было заметно по моему лицу? Или она тоже умела читать в глазах, как моя мама?

– Расскажи, как ты учишься, – приказал мне Глагол.

– Скажи, что хорошо, – прошептал Кузя. Но я как-то постеснялся и ответил, что учусь, как все.

– А знаешь ли ты грамматику? – ехидно спросила Запятая.

– Скажи, что отлично знаешь, – снова подсказал Кузя.

Я толкнул его ногой и ответил, что знаю грамматику не хуже других. После того как я при помощи своих знаний открыл замок, я имел полное право так ответить. И вообще уже хватит задавать вопросы! Но злой Запятой до зарезу надо было узнать, какие у меня отметки. Я, конечно, не стал слушать глупые Кузины подсказки и заявил ей, что отметки у меня разные.

– Разные? – зашипела Запятая. – А вот это мы сейчас проверим.

Интересно, как это она могла сделать, если я не взял с собой дневника?

– Давайте документы! – завопила Запятая противным голосом.

В зал вбежали человечки с одинаковыми круглыми личиками. У одних были вышиты на белых платящих чёрные кружочки, а у других – крючочки, у третьих – и крючочки и кружочки. Два человечка внесли какую-то синюю папку. Когда они развернули её, я увидел, что это была моя тетрадь по русскому языку.

Запятая показала первую страницу, на которой я увидел свой диктант. Ужасно много поправок красным карандашом. А сколько клякс!.. Наверно, тогда у меня было очень плохое перо. Под диктантом стояла двойка, похожая на большую красную утку.

– Двойка! – злорадно объявила Запятая, как будто и без неё не было ясно, что это двойка, а не пятёрка.

Глагол приказал перевернуть страницу. Человечки перевернули. Тетрадка жалобно и тихо застонала. На второй странице я написал изложение. Кажется, оно было ещё хуже диктанта, потому что под ним стоял кол.

– Перевернуть! – приказал Глагол.

Тетрадь застонала ещё жалобней. Хорошо, что на третьей странице ничего не было написано. Правда, я на ней нарисовал рожицу с длинным носом и косыми глазами. Ошибок здесь, конечно, не было, потому что под рожицей я написал всего два слова: «Эта коля».

– Перевернуть? – спросила Запятая, хотя отлично видела, что дальше переворачивать некуда. В тетради насчитывалось всего три страницы. Остальные я вырвал для того, чтобы сделать из них голубей.

– Довольно, – приказал старик. – Как же ты, мальчик, говорил, что отметки у тебя разные?

– Разрешите мне мяукнуть? – неожиданно вылез Кузя. – Прошу прощения, но мой хозяин не виноват. Ведь в тетрадке не только двойки, но есть и единица. Значит, отметки всё-таки разные.

Запятая захихикала, а Палка в восторге закричал:

– Ах! Ох! Уморил! Потеха! Ой! Умник!

Я молчал. Непонятно, что со мной делалось. Уши и щёки горели. Я не мог смотреть старику в глаза. Так, не глядя на него, я и сказал, что не знаю, кто я. Кузя поддержал меня. По его мнению, это была нечестная игра. Глагол внимательно нас выслушал, обещал показать всех своих подданных и познакомить с ними. Он взмахнул линейкой – раздалась музыка, и на середину зала выбежали человечки с кружочками на одежде. Они стали плясать и петь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.